

О монополии религии на мораль

Константин Малышев

О МОНОПОЛИИ РЕЛИГИИ НА МОРАЛЬ

// POLITSTURM.COM

2017-10-14

9 мин. на чтение

В эпоху научно-технического прогресса, который раз за разом наносит всё новые и новые удары по религиозному, мистическому, идеалистическому мировоззрению, последним аргументом в защиту религии является утверждение о том, что религия учит добру, что только она несёт в массы нравственные идеалы, что без религии общество озверевает, скатится в пропасть порока и моральной деградации. Основной упор делается на следующий тезис: религия является основой некоей общечеловеческой вечной морали. Утверждают даже, что коммунисты, которые боролись с религией, якобы вынуждены были признать ценность морально-нравственных установок христианства, завуалировано и весьма коряво изложив эти установки в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Так называемые «коммунисты» в лице господина Зюганова даже признают это. Так-то.

Разберёмся для начала, что же такое мораль. Мораль есть способ ориентации в системе социальных отношений, и она прямо зависит от того, какую именно систему отношений (отношений собственности, взаимодействия, форм распределения и обмена) выдвигает общество. Нежелание отдельных лиц, не веление божества, а конкретная производственная практика конкретного человеческого общества является основой формирования той или иной моральной системы.

Так, например, узкие производственные отношения родоплеменного строя зиждились на том, что только человека твоего рода можно воспринимать за человека. Все остальные, не относящиеся к роду, суть, враги. На них не распространяются никакие моральные принципы, они выступают как враждебные силы окружающего мира, такие же, как дикие звери или природные бедствия.

Рабовладельческий строй, разрушивший закрытую патриархальную общину, вызвал к жизни иную мораль. Теперь в разряд «нелюдей» был помещён только один общественный класс — класс рабов, за которыми даже наиболее просвещённые деятели эпохи не признавали права называться людьми. Раб являлся «говорящим орудием», живой вещью, собственностью господина.

Переход к феодализму нашёл своё отражение в концепции общечеловеческого равенства, но с одной оговоркой. Все люди равны перед богом, однако здесь, на земле, они обязаны соблюдать установленную им же иерархию отношений личной зависимости. Попытка выйти из рамок этой системы воспринималась как покушение на божественную волю.

Капиталистический способ производства, с его экономической системой предпринимательства и свободной конкуренции, разбил иерархическую нравственность феодального средневековья, наделив человека свободной волей, независимостью и формально равными правами.

Таким образом, мы видим, что даже восприятие человека изменялось в зависимости от того, какая система производства господствовала в обществе. Иначе и не могло быть. Ибо, если бы в эпоху расцвета рабовладения был признан «человеческий» статус раба, это подорвало бы саму систему эксплуатации рабского труда. Если бы феодальный строй признал свободную волю крестьянина (основного производителя), это подорвало бы систему закрепощения и феодальной зависимости. Если бы молодой капитализм

отказался рассматривать человека как центр мира и поставил общественные интересы выше индивидуальных интересов, это привело бы к прекращению развития капиталистической экономики и, соответственно, к упадку всего хозяйства. То есть, мораль освящает и обосновывает ту систему общественно-экономических отношений, которая существует в данный момент. Переход к новому экономическому строю влечёт за собой установление новой же морали, отвечающей новым отношениям производства, взаимодействия, распределения и так далее.

«Стало быть, никакой «вечной», «общечеловеческой» морали нет?» — спросит читатель. Не совсем так.

Сам ход исторического развития показывает, что человек становится человеком только в результате взаимодействия с другими людьми. Только сохранение человеческого общества в целом гарантирует каждому отдельному человеку возможность человеческого же существования. В отсутствии общества и общественного производства человек никогда бы не смог выйти из состояния звериной дикости. С разрушением общества, с развалом общественного производства (собственно, основы существования общества), закончилась бы и история человека.

Необходимости сохранения и развития общества как такового и соответствует т.н. «общечеловеческая мораль», проходящая красной нитью сквозь всю историю человечества. Чертами такой общечеловеческой морали являются, например, различные выражения эмпатии (сострадание, взаимовыручка, защита слабого, помощь больному), которые в рамках и биологической эволюции и социального развития служат залогом сохранения общества, а значит — и сохранения человеческого вида. И на каждом новом, более высоком этапе развития человечества, эта общечеловеческая мораль раскрывается всё шире.

«Выходит», — сделает вывод читатель, — «религия действительно является носителем «общечеловеческой морали»?» Нет, это не совсем так.

В обществе, разделённом на антагонистические классы, нет единой «всеобщей» морали. Всякая мораль есть мораль господствующего в данный момент класса, который, выдавая собственные классовые интересы за интересы всего общества, насаждает в массах такую мораль, которая поддерживает и воспроизводит общественно-экономическую систему, являющуюся базой экономического и политического господства этого класса. Так, классовая мораль рабовладельцев являлась господствующей для всех классов рабовладельческого общества. В том числе и для класса рабов, которые безропотно переносили эксплуатацию, убеждённые в полнейшей её морально-нравственной справедливости. Эксплуатируемые феодалами крестьяне были твёрдо уверены в справедливости своего положения. Трудящихся капиталистических предприятий точно так же пытаются уверить в справедливости системы, где один очень предприимчивый и талантливый человек (собственник средств производства) в рамках свободного договора справедливо присваивает труд менее предприимчивых и менее талантливых людей (трудящихся).

Религия органически связана с эксплуататорскими классами, она освящает угнетение и утешает угнетаемого во имя спокойствия угнетателя. И она же является одним из мощных инструментов насаждения в обществе морали господствующего класса, выдаваемого религиозными деятелями за «общечеловеческую», «вечную мораль».

Для примера разберём пресловутые 10 христианских заповедей, являющиеся, по уверениям священнослужителей и фанатиков, «общечеловеческим»

нравственным ориентиром на все времена.

При внимательном рассмотрении оказывается, что первые 4 заповеди (я господь твой, не сотвори себе кумира, не произноси имени бога всуе, почитай день субботний) вообще никакого отношения к морали не имеют. Это правила религиозного культа, а не взаимоотношений между людьми.

Пятая заповедь (почитай отца и мать) хотя и относится к моральным установкам, но имеет ярко выраженный классовый характер. Суть этого правила заключается в увековечивании «закона отцов», консервации режима эксплуатации (на момент создания — рабовладельческой, а затем применяемой и к феодальному, и к капиталистическому угнетению).

8-я, 9-я и 10-я заповеди (не кради, не лжесвидетельствуй, не желай дома/жены/раба/скота ближнего) определённо регулируют отношения частной собственности классово-антагонистического (а значит, преходящего, временного) общества. Причём, что характерно, «жена» упоминается в одном ряду с рабом, скотом и домом, что говорит о степени гуманности иудейско-христианского бога, считающего женщину такой же собственностью, как и скот.

Лишь шестая (не убивай) и, с натяжкой, седьмая (не прелюбодействуй) заповеди могут действительно быть отнесены в разряд «общечеловеческих».

Другой пример.

В исламской суре «Ночной перенос» присутствуют 10 аятов, схожих с иудейско-христианским декалогом, в которых так же «общечеловеческая мораль» серьёзно уступает заповедям, регулирующим нравственно-этическое поведение в классово-антагонистическом обществе (лишь два аята, — не убивай детей и не прелюбодействуй, — соответствуют «вечной морали»).

Базовый буддистский кодекс Панча Шила («Пять священных заповедей») точно так же, наряду с «общечеловеческими требованиями» (не убивать и не прелюбодействовать) выдвигает этические предписания, соответствующие классовому обществу (отказ от воровства, обмана, пьянства).

Какой вывод можно отсюда сделать?

Классовый характер той или иной системы морали не исключает наличие элементов общечеловеческой морали. Нельзя рассматривать классовую мораль как некую замкнутую сферу, независимую от других нравственных систем. Напротив, классовая и общечеловеческая мораль находятся в тесной диалектической связи, и чем прогрессивнее класс, чем шире представляет он интересы развития всего общества, тем больше в его морали представлено общечеловеческих элементов. И наоборот: чем больше интересы класса противоречат интересам развития всего общества, тем меньше общечеловеческих элементов содержит такая классовая мораль.

Замена одних моральных систем другими не происходит автоматически. Сам кризис способа производства, неспособного больше удовлетворять потребности общества, вызывает к жизни рождение новой оппозиционной морали угнетённых классов, направленной на разрушение устаревших отношений и формирование отношений новых. В рамках классовой борьбы новая мораль становится инструментом преобразования мира, идеологической основой формирования нового способа производства.

Так, феодальная мораль, признавшая человеческое равенство и почтение к труду, была гораздо прогрессивнее, нежели мораль пришедшего в упадок

рабовладельческого строя, презиравшая труд и считавшая его уделом исключительно «нелюдей»-рабов. Буржуазная мораль, взорвавшая неподвижную систему иерархического подчинения и освободившая частную инициативу от сословно-корпоративных цепей, была гораздо прогрессивнее, нежели исчерпавшая себя феодальная мораль, ставшая тормозом развития человеческого общества. Сегодня, когда капиталистическое производство, породившее буржуазную мораль, уже не соответствует потребностям общественного развития, в недрах производства рождается новая, более прогрессивная мораль – революционная мораль пролетариата.

Пролетарская мораль, сформировавшаяся в ходе практической деятельности рабочего класса и укрепляющаяся в рамках его классовой борьбы, содержит в себе гораздо больше элементов общечеловеческой морали, нежели любая другая нравственная концепция прошлого. Реакционеры, идеологи разлагающегося капиталистического строя, понимают это и всеми силами пытаются отсрочить свою гибель борьбой с этой новой моралью.

К примеру, как было указано вначале, они заявляют, что «Моральный кодекс строителя коммунизма», выражающий в общих чертах основные морально-этические установки пролетариата, списан с Библии, ибо коммунисты не способны дать обществу никаких новых моральных ориентиров, кроме тех, что уже содержатся в религиозных писаниях. Стало быть, коммунистическая идея для общества бесполезна. Она несёт только разрушение и хаос, после чего возвращается к тому, от чего пыталась общество увести — к религиозным «общечеловеческим» нормам. Так, вывод о ненужности коммунистической революции напрашивается сам собой.

Нетрудно заметить, что, отбирая моральные установки общечеловеческого плана, сформулированные человечеством в течение прошлой истории (которые действительно присутствуют практически во всех религиях), реакционеры не замечают других общечеловеческих принципов, впервые проявляющихся именно в революционной морали пролетариата. Принципов, которые противостоят классовой морали угнетателей, предназначенной для того, чтобы держать массы в повиновении и поддерживать систему эксплуатации. Принципов, которые не имеют никаких аналогий в религиозных писаниях, ибо эти принципы подрывают саму систему эксплуатации, являющуюся залогом существования любой религии.

Так, вместо религиозного фатализма и пассивного приспособления к несправедливому миру, пролетарская мораль проповедует активное преобразование действительности на основе изучения законов развития. Вместо упования на мудрость божества, которое в должный час уничтожит зло, пролетарская мораль требует непримиримости к несправедливости и всяким социальным недугам. Вместо самоуничижения человека пролетарская мораль проповедует веру в собственные силы и чувство личного достоинства трудящегося. Вместо воинственного индивидуализма абсолютно любой религии, предусматривающей исключительно личное спасение, пролетарская мораль воспевает коллективизм как залог освобождения и развития общества и, в конечном итоге, каждого человека в отдельности. Вместо псевдогуманной, насквозь лживой «всеобщей любви» пролетарская мораль требует ненависти к сознательным и активным врагам общества.

Таким образом, ни о каком коммунистическом «плагиате» нравственных религиозных принципов речи не идёт. Напротив, революционная пролетарская мораль шире раскрывает общечеловеческие моменты, оставляя позади всякие религиозные бредни минувших веков. Связано это с тем, что пролетариат, в отличие от эксплуататорских классов прошлого, не нуждается ни в лицемерии, ни в самообмане, ни в мистическом обосновании своей борьбы. Пролетариат не претендует на то, чтобы стать новым

эксплуататорским классом, дурачащим массы мистической чепухой. Пролетариат честен сам с собой и с обществом, он прямо заявляет о необходимости освобождения человечества, о необходимости уничтожения деления общества на классы как такового (в том числе и ликвидацию самого класса пролетариев), а для этой практической задачи рабочий класс требует строго научного подхода, требует освобождения морали от иллюзий, предрассудков и предубеждений прошлого, тормозящих общественное развитие, требует формирования действительных, а не мнимых ценностей жизнедеятельности.

Само собой, пролетарская мораль ещё не является «общечеловеческой», ибо в классовом обществе, как уже было сказано, ни о какой единой общечеловеческой морали не может быть и речи. Но вместе с тем пролетарская мораль предшествует формированию действительно общечеловеческой морали, поскольку именно пролетариат выступает как последний класс в истории, самой логикой развития предназначенный к тому, чтобы уничтожить классы.

Оригинальная статья